

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. П. ФИЛИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ускоряющиеся за последние десятилетия темпы научно-технической революции привели и все более приводят к лавинообразному росту информации во всех областях знаний, производственной и научной деятельности. Это влечет за собой огромный рост новых понятий и соответственно их наименований. Происходит двоякий процесс: резкое увеличение доступных только для специалистов специальных терминов, число которых в каждом высокоразвитом языке чрезвычайно разрастается и исчисляется миллионами, во много раз превосходя общепринятую лексику, и в то же время интенсивное проникновение специальной терминологии в общелитературный язык. Специальная терминология становится главным источником пополнения словарного состава литературного языка. Естественно, что внимание к ней — и не только лингвистов, но и всей общественности — должно резко возрасти. Проблема нормализации и регулирования терминологии приобретает большое научное и общественное значение.

Гигантское увеличение терминологии и всякого рода номенклатурных обозначений (обозначений товаров широкого потребления и специальных изделий, промышленных, сельскохозяйственных, научных, бытовых и иных) в каждом языке происходит не изолированно от других языков. В век научно-технической революции резко увеличивается лексическое взаимодействие языков, возрастает роль билингвизма. Огромной становится роль переводчиков научно-технической литературы. На каждом крупном предприятии, в научных учреждениях, в торговле, в обслуживании иностранцев, особенно в связи со все возрастающим туризмом, появляются кадры переводчиков, потребность в которых непрерывно растет. Положение осложняется тем, что круг языков, на которых появляется необходимая современному обществу информация, постоянно расширяется. Становится недостаточным знать традиционно общепризнанные европейские языки. Большая и нужная литература появляется на японском языке, возрастает роль хинди, арабского и ряда языков других развивающихся стран. Лингвистический изоляционизм безвозвратно уходит в прошлое, не имеет никакой исторической перспективы. Билингвизм, который зародился на заре человечества и имел разные ступени своего развития, теперь является жизненной потребностью человеческого общества, важным регулятором языкового развития. Скорее даже не билингвизм, а полилингвизм. Разумеется, речь идет не о том, чтобы каждый человек владел многими языками (полиглоты были и будут явлением редким, исключительным). Речь идет об обществе и его нуждах, о каждой нации и народности. В наше время ни одна цивилизованная нация и народность не может не иметь в своем составе людей, знающих иностранные языки, иначе ее прогресс окажется невозможным.

Разумеется, билингвизм и полилингвизм проявляются в разных странах неодинаково. В нашей стране эта проблема успешно решается на основе ленинской национальной политики. У нас осуществляется расцвет всех национальных языков и распространение среди всех наций, народностей и этнических групп русского языка как общепризнанного средства межнационального общения. Такое сочетание функций языков СССР приводит к интенсивному воздействию русской научно-технической терминологии на терминологию всех других языков. Русский язык стал могучим средством приобщения всех граждан нашей страны к достижениям советской и мировой научно-технической мысли и культуры. В свою очередь русское население пользуется научно-техническими и культурными богатствами, создаваемыми на языках других народов СССР: промышленность, сельское хозяйство, наука и культура имеют огромные успехи во всех союзных и автономных республиках, автономных областях. Переводы самого разнообразного характера с национальных языков на русский — явление обычное и продолжающееся развиваться. Широко распространена и практика изучения национальных языков русскими учащимися, проживающими в национальных республиках. Наука, техника и культура в нашей стране являются общим достоянием, составляют единую советскую науку, технику и культуру новой исторической общности — советского народа.

Нам предстоит осуществить задачу огромной важности: каждый советский гражданин нерусского происхождения, владея своим материнским языком и содействуя его расцвету и распространению, должен также свободно владеть языком межнационального общения — русским языком. Для выполнения этой задачи предстоит сделать еще многое. В частности, Институту русского языка АН СССР совместно с Институтом языкознания АН СССР предложено, координируя свои действия со всеми заинтересованными организациями, разработать и осуществлять план содействия улучшению преподавания русского языка в союзных и автономных республиках и областях, повышения его функционирования как средства межнационального общения. Гармонический, лишенный и тени антагонизма, билингвизм и полилингвизм — вот наша программа. Программа эта выдвинута всем ходом исторического развития нашей страны, строящей коммунистическое общество, общество глубоко интернациональное, общество дружбы и товарищества всех советских народов, больших и малых.

Как известно, русский язык является также одним из международных языков. За русским языком стоит авторитет великой советской державы. Чем больше будет укрепляться этот авторитет, чем больше будут достижения советской науки, техники и культуры, тем больше будут потребности в изучении русского языка во всех странах мира. Между этими явлениями существует самая прямая зависимость. Для всех становится все более очевидным, что без советской науки, техники и культуры не может существовать мировая наука, техника и культура. Переводы с русского языка нашей громадной политической, научно-технической и иной литературы, прямые или опосредствованные (т. е. через другие языки), существуют во всех цивилизованных странах. А вслед за переводами последует и активное овладение русским языком определенной части населения во всем мире. Прежде всего, русский язык начинает выдвигаться как общий язык в социалистических странах, в большинстве которых он стал обязательным предметом школьного преподавания. Правда, преподавание это, как и преподавание иностранных языков в наших школах, не всегда дает желаемые результаты. В социалистических странах школьники и лица, окончившие среднюю школу, знают русский язык по-разному. Некоторые из них неплохо объясняются по-русски (таких меньшинство), другие только понимают напечатанное по-русски, а у третьих

знания оказываются очень слабыми. Далеко не удовлетворительно поставлено дело подготовки преподавателей русского языка и нужных пособий.

Но главное — дело начато. Интенсивность хозяйственно-культурного общения между социалистическими странами непрерывно возрастает, усиливается обмен учащимися и специалистами, сама жизнь подсказывает пути интеграции социалистических стран, и все это несомненно будет повышать роль русского языка как языка общего, особенно для славянских стран. Очень хорошо сказал о роли русского языка в Болгарии Тодор Живков: «Если заглянуть в ближайшее будущее, перед нами предстанет Болгария, где каждый человек, кроме своего родного языка, будет владеть и пользоваться для своего духовного роста и языком великого русского народа, тем более, что на этот язык, как ни на какой другой, переведено и непрерывно переводится все ценное, созданное и создающееся на языках других народов — больших и малых»¹. Во всяком случае, русский язык в странах социализма одновременно изучают миллионы людей. Перед нами, советскими русистами, стоят большие и ответственные задачи всячески помогать процессу становления этого нового типа билингвизма; при этом национальные чувства населения социалистических стран должны полностью учитываться и уважаться.

Русский язык признан одним из международных языков в ООН, он начинает звучать на многих международных съездах и совещаниях, его изучают в школах, вузах, кружках, по радио и разными иными способами в развитых капиталистических и развивающихся странах всех континентов земли. Никому в точности неизвестно (и вряд ли может быть известно), сколько в мире людей говорит на русском языке или так или иначе пассивно владеет им. Вероятно, сотни миллионов. Это меньше, чем говорят на китайском языке. Однако китайский язык как международный язык для некитайского населения несомненно уступает русскому языку. Русский язык в наше время во всяком случае не менее распространен, чем испанский, французский и немецкий (если брать общее количество пользующихся этими языками в целом). Он лишь пока заметно уступает английскому языку. Конечно, мы кровно заинтересованы в усилении познаний русского языка как средства международного общения. У нас начинают приниматься меры, которые должны способствовать большему распространению русского языка на всех континентах земли. В частности, создан Институт русского языка имени А. С. Пушкина, целиком ориентированный на преподавание и пропаганду русского языка за рубежом, издательство «Русский язык» для тех же целей, выходит научно-методический журнал «Русский язык за рубежом», подготавливаются и издаются (правда, далеко не в полном объеме) нужные пособия, в наших вузах обучаются русскому языку многие тысячи иностранных студентов, работают курсы и кружки при многочисленных советско-иностранных обществах дружбы за границей и т. д. Но это только начало большой и ответственной работы. Мы, советские лингвисты, еще в большом долгу перед русским языком.

Обусловленный научно-технической революцией информационный взрыв и соответствующий ему гигантский рост наименований неизбежно влечет за собой интенсивный обмен языковыми ценностями, усиление межъязыковой интерференции. В пределах нашей страны особенно заметно воздействие русской научно-технической терминологии на терминологию других языков. В младописьменных языках эта терминология, можно сказать, создавалась заново, и тут воздействие русской терминологии

¹ «Болгарская русистика», София, 1974, 1, стр. 6.

особенно значительно. Единство народного хозяйства СССР, единство советской науки, техники, политики и идеологии с неизбежностью приводит к созданию общего для всех языков терминологического фонда, который становится общим культурным достоянием всего советского населения. Это, конечно, вовсе не означает, что не нужно способствовать развитию национальных терминологических систем с должным использованием национальных словообразовательных средств. (Важно лишь, чтобы общепринятые термины, понятные населению, не заменялись искусственно придуманными словечками, которые создаются порой только для того, чтобы препятствовать укреплению общетерминологического фонда, и из узкоместных соображений создавать то, что было бы непохоже на общее, чего нет в языке межнационального общения.) К сожалению, нужно отметить, что участие лингвистов в терминотворчестве пока еще очень незначительно, создание и распространение новых терминов происходит в основном стихийно, без какого-либо заметного регулирования. То же можно сказать и о терминологических системах средства межнационального и международного общения — русского языка. Между тем, тут происходит такое, о чем следует серьезно подумать.

Сначала приведу небольшую историческую справку. (Займствования, в том числе и терминологические, — явление нормальное и неизбежное. Происходили и происходят они неравномерно: по разным историческим причинам одни языки заимствуют из других языков больше, другие меньше, причем в разные исторические периоды как языки-источники на первый план выдвигается то один язык, то другой. Всем известна огромная роль греческого и латинского языков в Европе, старославянского в славянском мире, арабского на мусульманском Востоке и т. д. В основе интернационального словарного фонда лежит греческая и латинская лексика, которая и теперь является важным источником новообразований. Интенсивное проникновение западноевропейской лексики в русский язык началось в Петровскую эпоху. Причины его вполне понятны: научно-технические терминологические системы в России создавались почти заново, России нужно было догонять Запад во многих отношениях. Словообразовательные средства русского народного и книжноцерковнославянского языков были недостаточны, чтобы во всем удовлетворить огромные потребности новообразований. Русские переводчики научных и технических книг находились подчас в крайне затруднительном положении. Появилось множество непереуведенных слов и калек. Тысячи из них вошли в состав русского литературного языка, хотя было много попыток изгнать их из употребления. В знаменитый первый академический словарь русского языка 1789—1794 гг. было сознательно не включено большое число иностранных слов, которые в XVIII в. уже прочно вошли в обиход. Конечно, было много и излишеств, впоследствии бесследно (или почти бесследно) исчезнувших. Ср. *бедекен* «прикрытие» (в военном деле) (нем. *Bedecken*), *радикс* «корень» (лат. *radix*), *маппа* «карта» (лат. *mapa* — первоначально «кусок полотна»), *триангулум* «треугольник» (лат. *triangulum*), *арея* «площадь» (лат. *area*), *антворт* «ответ» (нем. *Antwort*) и т. п.² Таких примеров из письменности XVIII в. можно было бы привести тысячи. Русский язык, осваивая массу заимствований, в то же время освобождался от иноземного языкового плака, не обогащавшего, а засорявшего речь. Однако нужно иметь в виду, что очистка его далеко не всегда была стихийной. Происходила острая борьба мнений, многое публично осуждалось, что сказывалось на судьбе тех или иных слов и выражений. Особенно высок

² Много подобного рода примеров приводится в содержательной книге Л. Л. Кутиной «Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.)», М.—Л., 1964.

был авторитет крупнейших писателей, весьма важной оказывалась их языковая практика. Известно, что со второй половины XVIII в. начался массовый наплыв галлицизмов, многие из которых вошли в словарный состав русского языка, а многие отброшены. Фонвизин, Новиков и другие создавали отрицательное общественное мнение к неумеренной галломании. Великий Пушкин своим творчеством утвердил национальную основу русского литературного языка, преградил путь галломании карамзинистов и иных западников, вовсе не отказываясь от всего ценного, что получал русский язык от французского. Возникло выражение «французско-нижегородское наречие», которым обозначалось неумеренное смешение русского и французского языков, баловство и щеголяние французскими словами и выражениями, имеющими равноценные эквиваленты в русском языке.

Известное влияние французского языка на русский, то усиливающееся, то уменьшающееся, продолжалось вплоть до двадцатых годов нашего столетия. Теперь оно решительно сменилось воздействием английским. Среди международных языков на первое место вышел английский. В век научно-технической революции на английском языке формулируется множество открытий и достижений. Английским языком овладевает все большее и большее число людей. Японцы, индусы, многие западноевропейцы, приезжающие в нашу страну, обычно говорят не на своих родных языках, а на английском. Международные спортивные соревнования сопровождаются комментариями не только по-русски, но и по-английски. То же можно сказать о речи стюардесс на международных авиалиниях, обслуживающего персонала в гостиницах и ресторанах для иностранных туристов, гидов, сопровождающих иностранцев, и т. д. и т. п. А за рубежом английский распространен еще более. На английском языке печатается огромная научно-техническая литература, без которой нельзя обойтись специалисту, этикетки на многих заграничных товарах, инструкции и наставления к машинам и прочее. Такое распространение английского языка не может не оказывать воздействия на другие языки, особенно на их терминологические системы. Это воздействие часто встречается протесты и вызывает попытки активного вмешательства. Покойный генерал де Голль даже пытался административным путем запретить наплыв англицизмов во французский язык. Резюмеется, никакие административные меры тут не помогут. Нужна терпеливая разъяснительная работа, повышение уровня филологического образования населения страны, подготовка достаточных кадров терминологов для активного вмешательства в стихийный терминологический процесс, создание соответствующего общественного мнения, особенно среди ученых и инженерно-технических работников, веское слово писателей. А нужно ли все это?

Недавно Н. Т. Федоренко выступил в «Литературной газете» со статьей «Не перевести ли на русский?» и привел тревожные факты бездумного терминологического подражательства иностранному в литературоведении. Но так обстоит дело не только в литературоведении, а и во всех отраслях науки и техники³. Завязалась оживленная дискуссия. Заклчить эту

³ Очень верно говорит С. П. Трапезников о языке некоторых работ по философии: «Не секрет, что некоторые философские работы излагаются таким тяжелым, заумным языком, который создает искусственные препятствия для их понимания. Их содержание подчас настолько обволакивается различными псевдоучеными словечками, что теряется суть и смысл излагаемых вопросов. Получается, будто эти философы пишут не для широкого круга читателей, а для себя, пуская в оборот столь сложную терминологию, что в ней бывает трудно разобраться без специальных словарей. Конечно, имеется ряд сложных философских понятий, а научно-техническая революция ввела в оборот много новых терминов. Но здесь должны быть свои границы; нельзя допускать, чтобы излишней усложненностью изложения, словесным жонглированием прикрыва-

дискуссию газета предоставила мне. После выхода в свет моей статьи я получил много писем от читателей — представителей разных специальностей и разных возрастов. Подавляющее большинство корреспондентов отнеслось к положениям моей статьи одобрительно, однако были и возражения. Некоторые читатели считают, что английские термины удобны, так как не вызывают никаких побочных ассоциаций, какие вызывают слова родного языка, что их внедрение в русский язык облегчает чтение научно-технической литературы на английском языке, что делать ничего не нужно, так как русский язык сам со всем справится и вообще никакой проблемы нет. Что плохого в таких словах, как *компьютер* или *лайнер*, тем более что они созданы на латинской основе — базе интернациональной лексики, а главное, точно обозначают соответствующие понятия?

В таких рассуждениях много верного. Русский язык освоил огромные пласты иноязычной лексики и многие способы словообразования и от этого не перестал быть русским языком. В словах типа *компьютер*, *лайнер* или *бит* и *байт* (разные единицы информации) ничего плохого нет; они уместны в русском языке. Проблема состоит не в качестве отдельного слова, а в количестве заимствованных англицизмов. Англицизмы (точнее, американизмы) входят в нашу научно-техническую терминологию и разного рода номенклатуру не сотнями и не тысячами (в таких количествах заимствовались западноевропейские слова в Петровскую эпоху и в более позднее время; в XVIII в. в русский язык было заимствовано что-то около пятнадцати тысяч иноземных слов, многие из которых отмерли), а сотнями тысяч, если не больше. Такого потока иноязычной лексики русский язык не испытывал никогда. Это не может не вызывать определенной тревоги за судьбы словарного состава русского языка.

Из специальной лексики англицизмы широко проникают в общую прессу. Буквально в каждом номере газеты и журнала появляются все новые и новые чужеземцы в английском обличии. Ср., например, *ро-ро* (сокращение из *roll on — roll off* «вкатывать — выкатывать» — новый тип судна, для погрузки и разгрузки которого не нужны порталы, так как в судне устраивается подъемная часть, откуда выбрасывается мостик, по которому грузы доставляются авто- или электропогрузчиками), *копи-мастер* — сортировщик информации на телетайпе, *копирайт* — авторское право, *телекс* — абонентная телеграфная связь, осуществляемая при посредстве телефонной сети, и аппарат, предназначенный для такой связи, *телекар* — автомобиль с телевизионной установкой, *телетайп*, *телетайпный*, *хали-гали* (танец), *буги-вуги* (танец), *стрикеры* (любители появляться в общественных местах в голом виде) и т. д. и т. п. Ср. еще *бойлер* — водоподогреватель, *бойлерная* — котельная, *бойлериш* — истопник, *бройлер* — цыпленок (соответственно *бройлерная фабрика* — фабрика, выращивающая мясных цыплят, *бройлерное производство* и пр.),

лись порой банальные мысли, а то и просто бессодержательность» (С. П. Трапезников, Общественные науки — могучий идейный потенциал коммунизма, М., 1974, стр. 46—47).

С. П. Трапезников приводит из некоторых философских работ такие примеры засорения языка, как *тело социума*, *социокультурный гомоморфизм*, *социостаз*, *социальность*, *методологическое конструирование* и другие темные словечки и выражения, взятые главным образом из иностранных источников. «Но беда состоит не только в засорении языка. Иногда дело обстоит гораздо серьезнее. Бывает, что в среде философов проникает убеждение в том, что подобная мнимая новизна и словесная эквилибристика и есть якобы средства творческого развития марксистско-ленинской философии. Те, кто пользуется этим, называют себя даже новаторами. Однако возведение подобных методов „философской работы“ в принцип есть сплошная вульгаризация марксизма-ленинизма и опощение его творческой сущности. Пора положить этому конец, решительно бороться за повышение качества научных исследований» (там же, стр. 48).

слайд — диапозитив, *микрослайд*, *киллеры* — тельца Т, «клетки-убийцы» (в иммунологии), *пресс-релиз* и многие другие англицизмы, имеющие точные соответствия в русском языке. Даже в фантастической литературе замелькали названия несуществующих еще орудий, машин, приборов и пр., взятые напрокат из американской фантастики, например, *бластер* — ручное оружие, извергающее сильную струю огня, *глайдер* — небольшая ракета на одного или несколько человек для передвижения в космосе (например, у Виктора Колупаева в его «Качелях отшельника» — М., 1974 и у ряда других писателей) и многое другое в этом роде. Даже собственные имена создаются на английский образец. В одной из фантастических повестей описывается кот *Найт* (англ. *night* «ночь»), обитающий в квартире русского человека, живущего на самой короткой улице Москвы — Ленивке.

У фантастов не хватает воображения, чтобы создавать собственные фантастические предметы и их русские наименования. Недавно в газетах было сообщено (без перевода), что т. Н. провел для советских и иностранных журналистов «первый брифинг» (англ. *briefing* «инструктаж, инструктивное совещание»). Показательно также, что среди некоторой части студенчества распространяется жаргон, пестрящий английскими словечками, переделанными на русский лад. «Моя *герла*» (англ. *girl* «девушка»), «она меня не *лавит*» (англ. *love* «любить») и т. д. и т. п. (как об этом сообщил мне Л. В. Малаховский). *Супермен* заменяет *стилягу* (ср. «супермен из Жмеринки» в повести А. Круглова и Ю. Кларова «За строклой приговора», М., 1974). Совершенно прав писатель Л. В. Успенский, когда заявляет: «Неприятной бывает и нередко встречающееся в наши дни замена доброкачественного русского слова более „интеллигентным“ — иностранным. Особенно печально, когда в результате таких замен старое, чисто русское слово ни с того ни с сего выпадает вдруг из речи. Почему все чаще и чаще вместо „поле“ или вместо просто „огород“ встречаешь слово „плантация“» (Е. Фадеев, Слово о словах, Пр. 7 I 75). *Плантация*, конечно, из английского *plantation*. По-видимому, для некоторых писателей (и не только писателей) англицизмы, в которых нет особой нужды, выглядят «модней», «культурней», «импозантней».

Такие примеры из нашей общей прессы и из других средств массовой информации можно было бы приводить бесконечно. Какую бы область науки и техники мы ни взяли, всюду англицизмы в их американском варианте встречаются в изобилии. Ср. *ноу-хау* — непубликуемые сведения о технологии изготовления изделия, *ню-арт* — новая область техники, *роялти* — периодическое отчисление (за право пользования патентом) и т. д. и т. п. Даже тогда, когда научные и технические новинки впервые появляются в нашей стране, их нередко стараются именовать по-английски. Например, в микробиологии, как свидетельствует акад. В. Энгельгардт, мы сумели «опередить зарубежную промышленность — первые наши наборы ревертазного китт'а появились раньше и были более полными, чем те, что впоследствии стала выпускать одна из крупнейших фирм в США, „КАЛБИОХЕМ“⁴. И все же набор всех препаратов и реактивов, позволяющий проводить определение активности ревертазы, получил у нас английское обозначение *китт*. То же произошло с полученным синтетическим веществом, необходимым для того, чтобы заставить ревертазу действовать. Русское обозначение *затравка* заменяется английским *праймер*. Сама идея ревертазы, когда при определенных условиях можно проводить в генах клетки обратный синтез, впервые в науке была высказана советским ученым С. М. Гершензоном в 1960 г.

⁴ В. Энгельгардт, Проект «ревертаза», «Наука и жизнь», 1974, 6, стр. 4.

В век научно-технической революции в США происходит не только информационный взрыв, но и взрыв в создании научно-технической и связанной с наукой и техникой бытовой терминологии, причем термины создаются не обязательно на греко-латинской основе, но и из чисто английских слов, которым почему-то не мешают излишние побочные семантические ассоциации. Иностранное (не греко-латинское) влияние на создание миллионов новых терминов и названий-этикеток ничтожно, воздействие русского языка близко к нулю. Между тем грандиозное развитие социалистической экономики, науки и культуры для всех очевидно. Экономика стран СЭВ — одна из самых мощных в мире. В некоторых видах экономической деятельности наша страна не только догнала, но и перегнала США. Во всяком случае разрыв в науке и технике дореволюционной России и Запада был неизмеримо больший, чем теперь. Казалось бы, что объективных условий для одностороннего движения английской (т. е. американской) лексики не существует. Между тем лингвистическая действительность находится в резком противоречии с научно-технической ситуацией. На то, конечно, есть различные причины.

Словообразовательные средства русского языка не оскудели, возможности их неограниченны, но используются они в гигантском росте научно-технической терминологии очень недостаточно. Проще, бездумней использовать вычитанную и непереведенную из литературы на английском языке терминологию, чем создавать свою собственную. Не изжиты еще и иные психологические основания: чем иностранней и непонятней, тем якобы ученым и цивилизованней. Бывает, что за темнотой языка удобно прятать пустоту содержания. За примерами ходить недалеко: самим лингвистам, по-моему, до смерти надоели языковедческие работы, крайне перенасыщенные иностранной лексикой. Кстати, то же самое можно сказать и о всякого рода без надобности употребляемых математических формулах⁵. И все же такие работы продолжают появляться и в довольно большом числе.

Конечно, время пуризма прошло. Интенсификация международных связей во всех областях деятельности, развитие двуязычия и многоязычия неизбежно влечет за собой и заимствования, в том числе и из английского языка. Конечно, каждая наука имеет свои терминологические системы, многие звенья которых иноязычны, интернациональны и для непосвященных непонятны. Никто не может призывать к отказу от иноязычной терминологии, но всему должны быть свои пределы. Беспрецедентное в истории русского языка по своей массовости вторжение англицизмов в русскую научно-техническую терминологию нельзя считать нормальным. Ненормально равнодушное и тем более одобрительное отношение к этому явлению. Предел иноязычному вторжению можно положить только тогда,

⁵ Конечно, нужно всячески поощрять применение математических методов в языкознании, поскольку в языке имеются явления, поддающиеся количественному учету. И в то же время нельзя терять чувства меры. Известный математик Гуго Штейнгауз в статье «Что такое математический метод?» («Наука и жизнь», 1974, 10, стр. 53) пишет: «Люди, далекие от математики, склонны приписывать ей непогрешимость, которой она не обладает, и усматривать в математических формулах своего рода „философский камень“... Действительно, если биолог оперирует такими расплывчатыми понятиями, как „влияние окружающей среды“, „наследственность“, „раса“, „приобретенный признак“ и обозначает их математическими символами, то от этого понятия не становятся лучше определенными». И далее: «Часто совершают еще одну ошибку: считают „величиной“ то, что не поддается измерению. Формула, являющаяся отнюдь не конечной целью прикладной науки, а лишь средством для описания и понимания известных и предсказания новых явлений, становится при этом надгробием мысли, на котором следовало бы написать: „торжество науки над здравым смыслом“. Интересно заметить, что математики таких недоразумений не любят и часто предупреждают от переизобилия нематематического содержания в математический наряд».

когда вокруг него будет создано должное общественное мнение, когда все проникнется ответственностью за судьбы великого русского языка.

Вряд ли можно считать нормальным, когда вместо уже укрепившихся русских слов в футболе вновь возвращаются старинные знакомцы *stop-per*, *хавбек*, *голкипер* и прочие, которые опять замелькали в речи комментаторов и в спортивной прессе. Мода в жизни общества — явление, с которым надо или приходится считаться. Однако разные бывают моды. Одним из них стоит подражать, против других надо бороться. Когда речь идет о дани языковой моде, нужно всегда иметь в виду, что за лексическими передвижениями из одного языка в другие стоят важные экстралингвистические факторы — научно-технические, идеологические, моральные и иные. Мы за укрепление и расширение интернациональной терминологии. В то же время прискорбно наблюдать, когда во многих текстах в специальной и даже в общей прессе русскими оказываются только служебные слова и грамматическое оформление. А в век научно-технической революции специальная терминология стала главным источником пополнения словарного состава общелитературного языка. В этой обстановке особенно актуальны слова В. И. Ленина в защиту русского языка от вредного его засорения ненужными иностранными словечками. Конечно, русский язык может многое переработать и освоить, как это бывало не однажды в его многовековой истории. Но полагаться только на его стихийное самоочищение — дело опасное. Наше будущее в наших руках. Каждый, вводя в свою речь неологизмы иностранного происхождения, должен проникнуться чувством ответственности за будущее великого русского языка. И уж вовсе не к лицу серьезным ученым «птичий язык», который малопонятен даже специалистам. Если когда-то справедливо осуждалось «французско-нижегородское наречие», то еще более отрицательной оценки заслуживает «американо-нижегородский сленг», который не имеет никакого оправдания. В «Литературной газете» был поднят вопрос об этом в статье Н. Т. Федоренко «Не переводить ли на русский?».

После окончания дискуссии в «Литературной газете» (22 V 74) была помещена юмореска В. Егорова «Ту би ор нот ту би», которую я позволю себе привести здесь (с некоторым сокращением) без комментариев (они излишни): «— Хэлло, — сказала она и достала „лаки-страйк“. — Хэлло, бэби, — я щелкнул лайтером „ронсон“. В баре висел смог, как над картинговым треком. Эркондишн, как всегда, не фурыкал. Да и вообще бар был не тип-топ — какой-то поп-артистский по дизайну. Я заказал двойной скотч и драймартини. — Как бизнес? — спросил я. — Хреново, никакого профита! Она опустила голову. Всего на инч. Но я недаром вкалывал в „Ллойд, ллойд энд Прайс лимитэд“ — „Спешиал сёрвис фор резидентс“: я заметил, как она опустила голову. Всего на инч. Не больше. Биг-бит-бэнд свинговал „Кам бэк ту Вирджиниа“, любимую тему эпохи „бебопа“. Тинэйджеры в джерси, джемперах, блейзерах и блуджинсах „Ли“, „Ливайз“, „Рэнглер“ потягивали хайболлы, джусы и оранджусы, уминали хотдоги, совмещая ланч с файвоклоком. Гёрлс давали шоу со стриптизом. — Потопали до хаты! — вдруг сделала она оффер. — А что там? ТВ с его вестернами и паблисити обрыдло хуже горькой редьки! Опять кока-кола, „Марлборо“ и слайды? Ты знаешь, Мэри, мне ненавистен истэблшммент! — Мне тоже, Билл. Может, послушаем „Роллингов“ на твоём новом „хайфай“ квадрофоники? — О кей, едем. Мы вышли в холл. Бой-ниггер торговал дайджестами, бестсэллерами и прочими мэгэзинами. Пьяные джи-ай горланили непристойные сонги и по-дурачки хохмили. — Ты меня любишь? — спросил я, открывая дверцу своего тарантаса — не то джипа, не то багги, словом, фанни-кара. — Nein, — почему-то поненашенски ответила она. — Пипл, вы не в центр? — спросил какой-то

джокер, должно быть, просто крэйзи. — Нет, мы в рай! — горько сострил я, включая стартер и дефростер. Мы мчались по каким-то авеню, стритам, байстритам, дистрикам и риверсайдрайвам... На спидометре спид — 200 миль. Тайм из мани! Ту би ор нот ту би... Какой-то нас ждал энд?... Хэппи? Что-то не беливилось».

Все или почти все слова, приведенные в юмореске, действительно употребляются во многих наших изданиях, причем без кавычек и не только при описании американской жизни. Вот вам и «американо-нижегородский сленг»! Что с ним делать, roll-on? Нет, roll-off. Не вкатывать, а выкатывать!